

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Уголовно-правовая наука в трудах российских ученых в 20-х гг. XX в.

А.О. МАГУЗА – старший преподаватель Института гуманитарного образования и информационных технологий, главный специалист-эксперт отдела уголовного законодательства и законодательства о безопасности Департамента конституционного законодательства Минюста России

В статье дается характеристика основных научных школ в уголовно-правовой области, сложившихся в среде российских ученых, эмигрировавших за рубеж в 20-х гг. XX в. Приводятся данные о представителях и концептуальных основах югославской, рижской, американской, германской и иных школ, проводится сравнительно-правовой анализ идей, характерных для каждой из них, выявляются отличия от идейных основ и основных положений советской уголовно-правовой науки.

Ключевые слова: эмиграция; революционный террор; направления уголовно-правовой науки; сравнительное уголовное законодательство; уголовная политика; принцип «Nullum crimen sine lege»; флуктуация; преступление.

The Criminal Policy in Proceedings by the Russian Scientist in the Beginning of the 20th Century

A.O. MAGUSA – a senior lecturer of the Humanitarian Education and Informational Technologies Institute, a leading expert of the criminal legislature and constitutional safety legislature department of the Russian Justice Ministry

The article reviews the leading scientific schools, some criminal legal ideas among the Russian scholars emigrated abroad in the beginning of the 20th century. The author gives some information about the representatives and main ideas of Yugoslavian, French, American, German and other schools of Criminal Law among the Russian scholars abroad at that period. The article also gives a comparative legal analysis of main ideas typical to each of those schools, pointing to their difference from the key ones at the Soviet criminal policy.

Key words: emigration; revolution terror; the directions of the criminal legal science; a comparative criminal legislature; criminal policy; a principle of the principle “Nullum crimen sine lege”; fluctuation; a crime.

Герой французской революции, ее министр юстиции и, увы, один из организаторов сентябрьских убийств Дантон, когда на нем остановилось истребительное безумие Робеспьера, отверг предложение друзей бежать: «Бежать, – ответил он с тоской, – разве на подошвах своих башмаков я унесу и родину?» Дантон был язычник. Он не знал, что, кроме физической родины, есть родина духа, которой никто и никогда отнять не может. Вместе с щепотками могил мы унесли с собой и живший в нас дух родины, дух ее благородной культуры. В нем не было и нет ничего завоевательного, властолюбивого – в нем тихий свет всепостигающей мудрости.

О. Грузенберг
Из юридического дневника

Современные мировые процессы глобализации ставят перед российским народом серьезные проблемы, связанные с окончательным разрушением его исторического

наследия, утратой духовных рычагов и маятников, нивелированием национальной самобытности и самодостаточности. И это, конечно, не может не вызывать опасений:

нет человека без духа, нет Родины без веры в сердце, нет нации без истории!

Как известно, XX в. характеризуется во многом регрессивными социальными процессами. Губительные для России события революций 1917 г. и последовавшей братоубийственной войны значительным образом сказались на всех сферах общественной жизни. Смена одного социального порядка другим всегда протекает неблагоприятно для отдельных категорий людей или классов. Происходит беспощадная борьба за власть. Господствующие революционные силы активно прибегают к террористическим методам подавления масс. В этом противостоянии побеждает наиболее организованная сила, и уже она формирует новые границы идеологических максим. Вследствие этого такие опорные столпы социального здания, как наука и культура, подвергаются жесткой переработке с целью подведения под главенствующую теорию революционной мысли, а их деятели обрекаются на тотальный контроль. Так было и в российских условиях. Террору красных противостоял террор белого движения. Тысячи людей были убиты. Нападкам и гонениям подверглась большая часть русской интеллигенции: ученые, преподаватели, писатели, артисты – те, кто до революции считался выдающимся деятелем науки, и те, кто только начинал свой путь в творчестве.

После падения Временного правительства утвердившаяся Советская власть сразу обозначила векторы действия в отношении бывших политических и классовых противников. Следует заметить, что многие представители науки того времени были тем или иным образом связаны с политикой. Так, например, гениальный социолог П.А. Сорокин был некоторое время членом партии эсеров, выдающиеся профессора в области уголовного права В.Д. Набоков и М.П. Чубинский состояли в центральном комитете партии кадетов. Многие ученые были не угодны режиму вследствие своего классового происхождения, имущественного положения или по иным основаниям. Политические события побудили их во спасение своих жизней покинуть Родину, причем с надеждой на скорое возвращение. Важно заметить, что это была не иммиграция, русские эмигранты думали за рубежом о возрождении России, вырабатывали программы по ее устройению. Так, выдающийся российский правовед эмигрант чехословацкого направления П.И. Новгородцев главную задачу эмиграции видел в том, чтобы «русские на чужбине остались русскими и чтобы они получили хорошее общее об-

разование для подъема культурного уровня России после возвращения на Родину»¹. Эта задача объединила русских ученых разных направлений. По меткому выражению юриста-эмигранта, видного адвоката О. Грузенберга, на родине все эти юридические силы «никогда не были работниками за плату», «в университете или в суде русский юрист – теоретик или практик – творил свою работу, даже невидную, как службу Господню»². Такое же самоотверженное отношение к работе русские юристы сохранили и вне родины.

Невозможность и нежелание работать в советской России, присущее многим видным представителям юридической науки, привело к тому, что во Франции, Германии, Чехословакии, Югославии, Латвии оказалась большая часть профессорско-преподавательского состава Петербургского и Московского университетов³. В 20-е гг. начали создаваться русские университеты, институты и факультеты в Берлине, Париже, Праге, Харбине и других городах мира. Значительный лагерь составили ученые-криминалисты, которые помимо осуществления научной и преподавательской деятельности внесли громадный вклад в развитие законодательств тех стран, в которых они пребывали. Остановимся подробнее на некоторых основных школах уголовно-правовой мысли русского зарубежья.

Югославянская школа уголовного права была представлена такими известными еще в дореволюционной России криминалистами, как Михаил Павлович Чубинский и Александр Васильевич Маклецов. Они внесли неоценимый вклад в развитие югославянской уголовно-правовой науки, стояли у истоков реформирования уголовного законодательства Королевства СХС. Рассмотрим подробнее их уголовно-правовые воззрения и некоторые аспекты законотворческой деятельности.

М.П. Чубинский (1871–1943) – яркий представитель дореволюционной юридической науки, являлся сторонником социологической школы уголовного права, одним из первых способствовал уточнению и структуризации уголовно-правовой науки. По верному утверждению его ученика и сподвижника А.В. Маклецова, зачатки социологизма в уголовном праве можно усмотреть и в первых работах Неклюдова, поскольку он находился под влиянием Огюста Конта и Кетле, у Духовского и Фойницкого, но основательное свое развитие он получил в трудах именно М.П. Чубинского. После выхода в свет его ранней работы об основных учениях в уголовном праве, юридический

мир проникся уважением к начинающему исследователю. Не случайно даже сам Н.С. Таганцев, «строгий ценитель» юриспруденции, в своих фундаментальных лекциях по уголовному праву отводил значительное внимание первым работам М.П. Чубинского, очень высоко о них отзывался и высказывал свое отношение к выдвинутым теоретическим положениям.

Будучи членом политической партии кадетов, после Февральской буржуазной революции 1917 г. М.П. Чубинский занимал ответственные государственные должности. Он был привлечен к законотворческой работе по пересмотру имперских судебных уставов и Уголовного уложения 1903 г., затем назначен сенатором уголовно-кассационного департамента Сената. После Октябрьской революции он уехал на Украину, где в Киеве получил пост министра юстиции в правительстве гетмана Скоропадского. С 1918 г. и до своей эмиграции находился на юге страны, в Новочеркасске, Ростове, Екатеринодаре, Одессе, где занимался научной и преподавательской деятельностью. Именно в этот период из-под его пера выходит ряд публикаций в местной печати, в частности брошюра под названием «Кризис права и морали и пути к возрождению России», в которой автор приходит к выводу, что Россия превратилась в олигархическую деспотию, и аргументирует это утверждение на основании фактов из практики советского уголовного правосудия.

В марте 1920 г. М.П. Чубинский покинул Родину, направился в Сербию, где и продолжил свой созидательный творческий труд.

М.П. Чубинский был сторонником расширения границ уголовно-правовой науки, признавая метафизическое и юридико-формальное понимание преступления и наказания узким и недостаточным состоянием. Сферу уголовно-правовой науки он сводил к трем важным составляющим: уголовной догматике (научному изучению правового материала, его систематизации), уголовной этиологии (причинам преступности) и уголовной политике⁴. Выдвинув идею о том, что уголовная политика является ответвлением уголовно-правовой науки и призвана способствовать эффективному уголовному правосудию как путем социальных реформ, так и в результате совершенствования уголовного законодательства, он снискал славу в Европе как создатель уголовно-политического учения.

Помимо академической деятельности М.П. Чубинский был привлечен к участию в подготовительных мероприятиях реформы уголовного законодательства в Югославии.

Совместно с сербским профессором-криминалистом Т. Живановичем он выработал проект общей части нового уголовного уложения для Королевства СХС и составил сводку всех замечаний к сербскому проекту, выработанному Министерством юстиции еще в 1908–1910 гг. В результате общее критическое заключение на первый проект было опубликовано в качестве отдельной работы «Проблемы унификации права в Югославии и сербский проект уголовного уложения» (1921). Принятое 27 января 1929 г. Югославянское уголовное уложение вобрало большую часть правовых идей и конструкций, характерных для русской правовой системы. И все это благодаря профессору Чубинскому. Причем данный нормативный акт был дополнен блестящим научно-практическим комментарием и книгой «Новая судебная реформа». Совместно с известным русским уголовным процессуалистом Л.Я. Таубером и своим сыном А.М. Чубинским ученый составляет также комментарий к Югославянскому уставу уголовного судопроизводства от 16 февраля 1929 г. Следует заметить, что научно-практический комментарий к уголовному уложению сразу снискал у югославских юристов непререкаемый авторитет, «став для многих настольной книгой»⁵. Не случайно данное издание неоднократно переиздавалось с переработанными дополнениями профессора Чубинского. Многие современные югославские криминалисты до сих пор почитают этот труд. Помимо этого, в 1920–1930 гг. вышли в свет такие работы, как «Общая характеристика новых учений в уголовном праве» (1925), «Закон и действительность в Советской России» (1926), «Уголовная политика (понятие, содержание и отношение к науке уголовного права)» (1937), «Итальянский уголовный кодекс от 19 октября 1930 г. (Общая часть)» (1937), «Некоторые особенности преступности в Югославии» (1938) и др.

А. В. Маклецов (1884–1948) – выдающийся криминалист русского зарубежья, ученик М.П. Чубинского. Его по праву можно назвать ученым международного уровня, статьи и монографии которого публиковались на многих языках и во многих странах.

А.В. Маклецов получил образование в дореволюционной России. К преподавательской деятельности приступил в 1912 г., читал лекции и проводил практические занятия на юридическом факультете Харьковского университета. Он также состоял профессором законовещения в Ново-Александровском ин-

ституте сельского хозяйства в Харькове. В этот период публиковался во многих научных изданиях, принимал участие в составлении статей к курсу правоведения по Народной энциклопедии, вышедшей с свет в 1911 г.

После революции А.В. Маклецов, будучи в эмиграции, работал сначала в Праге, а с 1926 г. в Любляне в качестве ординарного профессора университета Короля Александра I. Совместно с профессором М.П. Чубинским и Л.Л. Зверевым с конца 20-х гг. в Югославии он являлся редактором журнала «Русская мысль».

Его жизнь в эмиграции была наполнена и общественно-политической работой. А.В. Маклецов входил в состав правления Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой республике. Был участником многих эмигрантских собраний.

Сфера научных интересов А.В. Маклецова обширна. В его трудах нашли отражение такие уголовно-правовые вопросы, как преступление и психоанализ, уменьшенная вменяемость, уголовная ответственность несовершеннолетних и многие др. Значительное внимание он уделял анализу иностранного уголовного законодательства, прежде всего законодательства Чехословакии и Югославии. Находясь на чужбине, Александр Васильевич с волнением следил за изменениями в области законодательства, которые происходили на родине.

Уголовная политика, как считает А.В. Маклецов, должна зависеть от этиологических предпосылок и общих принципов государственной политики. По его мнению, «борьба с преступностью не должна обращаться в самоцель». Уголовный законодатель должен принимать во внимание множественность (плюрализм) причин преступности, а не следовать рациональным схемам и построениям чистой теории. Если уголовная политика преследует исключительно утилитарные цели и пренебрегает моральными и религиозными воззрениями и чувствами народа, то она обречена на неуспех и «неодобрение в народной толще»⁶. В своей деятельности «законодатель должен считаться с исторической традицией и правильно оценивать потребности своего народа, особенности его психологии и материальные возможности, которыми располагает государство при осуществлении реформы уголовного законодательства. Ибо практическая уголовная политика, как политика вообще, есть искусство намечать и осуществлять реально возможные и достижимые цели»⁷.

Одним из первых в науке А.В. Маклецов указал на некоторые черты классовых начал со-

ветского уголовного права. Подвергнув тонкому анализу уголовное законодательство 20-х гг. и некоторые работы советских криминалистов того времени, он пришел к выводу, что классовое начало обусловлено стремлением «господствующей коммунистической партии охранить себя и терроризировать своих противников»⁸, что и является основным нервом советского уголовного права. На такую мысль ученого натолкнула констатация фактов широчайшего применения смертной казни, главным образом в отношении политических преступников, института полной конфискации имущества осужденного, осуществляемой в самых суровых условиях ссылки.

Большой интерес представляет подход А.В. Маклецова к теориям вины и опасного состояния личности. В одной из своих статей он указывает на существование в науке уголовного права ряда подходов к пониманию вины, таких как нормативный, психологический, синтетический (вина характера) и критерий опасного состояния. Рассматривая психологическую теорию вины, А.В. Маклецов выявляет ряд ее недостатков, в первую очередь невозможность подведения отдельных форм виновности под высшее (родовое, генеральное) понятие вины. Стоит заметить, что современное российское уголовное законодательство восприняло наряду с нормативным (оценочным) и психологический подход к пониманию субъективного вменения, не закрепив при этом общего понятия вины. В частности, такие формы вины, как легкомыслие и небрежность, невозможно подвести под общее психологическое понятие вины, так как они «характеризуются отрицательными психологическими признаками (непредвидение, нехотение)»⁹.

Рижская школа уголовного права 20–40-х гг. представлена такими русскими учеными-криминалистами, как Петр Николаевич Якоби и Павел Михайлович Минц. Они активно развивали латвийскую уголовно-правовую науку того времени. Значительный вклад ими был внесен в разработку норм Латвийского уголовного уложения 1933 г. при комиссии Министерства юстиции Латвии.

П.Н. Якоби (1877–1941) родился в семье сенатора в Санкт-Петербурге. Был крупным специалистом в области уголовного права и одним из авторов Латвийского уголовного уложения 1933 г. В эмиграции находился с 1918 г., обосновался в Риге. Был привлечен к работе юрисконсультантом в Министерство юстиции Латвии по направлению уго-

ловного законодательства. После принятия Латвии 5 августа 1940 г. в состав СССР П.Н. Якоби был арестован новой властью. Вот как он отстаивал свою позицию на допросе: «Как юрист классической доктрины, отрицаю возможность предъявления обвинения мне по ст. 58 п. 4 и 10 Советского уголовного кодекса (“помощь международной буржуазии” и “антисоветская агитация”). Вопрос о применении каких-либо статей мог бы иметь место лишь при условии учинения вменяемых мне деяний после 5 августа 1940 г., то есть фактического и юридического вхождения Латвии в Союз ССР. До означенной же даты учиненные деяния казались бы должны подпадать под действие еще неотмененного латвийского уголовного уложения, как кодекса суверенной в то время Латвии»¹⁰. После такой квалифицированной защиты уже 6 ноября 1940 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О временном применении уголовного, гражданского и трудового законодательства РСФСР на территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР», где было установлено, что «привлечение к уголовной ответственности за преступления, совершенные на территории Латвии до установления Советской власти, должны производиться в соответствии с кодексами РСФСР».

П.Н. Якоби был любимым учеником выдающегося русского криминалиста Н.С. Таганцева. Благодаря его усилиям в 1922 г. в Риге удалось переиздать с рядом дополнительных комментариев учителя к Уголовному уложению 22 марта 1903 г. Следует отметить, что и сам Николай Степанович Таганцев, больной, замученный страшными условиями жизни последних лет, откликнулся с юношеской готовностью и бескорыстием на это предложение, даже прислав дополнения ко второму изданию 1911 г.

П.М. Минц родился 30 июня 1868 г. в Двинске. По окончании Рижской гимназии был зачислен на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. После окончания обучения в 1890 г. он переезжает в Ригу, где приступает к адвокатской практике. Через несколько лет представляет Дерптскому университету магистерскую диссертацию на тему «Учение о пособничестве», которая с успехом была принята. В 1916 г. он переезжает из Риги в Москву, где продолжает заниматься научной и преподавательской деятельностью. В 1917 г. избирается приват-доцентом Московского университета, а в декабре того же года направляется в Дерптский университет. Пробыв там не более года, возвращается в Ригу, где с образо-

ванием суверенного Латвийского государства назначается сенатором. После захвата Риги коммунистами был вынужден уехать в Гейдельберг. Но уже в 1919 г., после падения коммунистического режима, был приглашен первым министром Латвии для замещения должности государственного контролера, которую впоследствии занимал несколько лет. В это же время он был избран доцентом Латвийского университета, где вскоре стал профессором по кафедре уголовного права и уголовного процесса. Кроме этого, читал лекции по уголовному праву и процессу на Русских университетских курсах, Военно-юридических курсах и в некоторых других учебных заведениях¹¹.

П.М. Минц признавал себя последователем Ансельма Фейербаха, Биндинга и Н.С. Таганцева, знаменитых представителей классической школы уголовного права. В 1925 и 1928 гг. он издал фундаментальный учебник «Курс уголовного права» на русском языке, в котором выступил приверженцем принципа «Nullum crimen sine lege», указывая на то, что без законодательного закрепления последнего уголовное право превратится в недопустимый уголовный произвол. На IV Международном конгрессе уголовного права, проходившем 26–31 июля 1938 г. в Париже, П.М. Минц убедительно отстаивал мнение о невозможности применения аналогии в области уголовного права. Иными словами, обозначенная им проблема касалась вопроса о неукоснительном применении принципа «Nullum crimen, nulla poena sine lege». Конгресс подавляющим большинством голосов принял резолюцию, отвергающую аналогию и расширительное толкование уголовного закона¹². Исходя из необходимости защищать как права личности, так и независимость судьи было предложено формулировать диспозиционную часть уголовно-правовой нормы по возможности в общих чертах без казуистики¹³.

Интересную позицию П.М. Минц высказывал по вопросу о соотношении уголовного права и этики: он утверждал, что «не все безнравственное наказывается и не все наказываемое безнравственно»¹⁴. Исходя из этого «право и этика подходят к оценке человеческого поведения с разных точек зрения»¹⁵. Иными словами, не следует сводить право вообще и уголовное право в частности к этическому минимуму.

Два тома его классического учебника и в настоящее время представляют научную ценность. В изложении материала он фундаментально последователен, раскрыва-

ет основные институты уголовного права, пользуется большим историко-сравнительным материалом. Под преступным деянием П.М. Минц понимает поведение неправомерное, виновное, наказуемое и соответствующее одному из типичных составов, закрепленных уголовным законом. Что касается института уголовного наказания, то, по его мнению, как абсолютные, так и относительные теории наказания являются ошибочными, поскольку впадают в ту или иную крайность. В соответствии со смешанной теорией, вобравшей в себя положительные моменты противоположных концепций, карательные меры применяются исходя из той или иной категории преступника. К этим категориям относятся:

- 1) случайные преступники, на которых действует устрашающий эффект приведения наказания в исполнение;
- 2) привычные преступники, которых следует подвергать во время отбытия наказания исправительному режиму;
- 3) прирожденные преступники, которых следует обезвредить с извлечением из них возможной экономической пользы¹⁶.

П.М. Минц – противник смертной казни в мирное и культурное время. По его мнению, этот институт уголовного наказания несет в себе сакральный смысл, то есть «преступник сострожайшим соблюдением предначертанных обрядностей приносится в жертву идее справедливости»¹⁷. Однако «в беспокойное время (война, революция, народные бедствия), когда расшатываются все устои, когда опрокидываются все культурные преграды, когда жизнь теряет свою ценность и отдельные индивиды или целые группы благодаря своей разнузданности становятся особенно опасными, тогда вопреки всем теориям либерального порядка, властно и стихийно на сцене должна появиться смертная казнь, которая вновь упраздняется с исчезновением всех вызвавших ее пертурбаций»¹⁸.

Американское направление эмиграции было представлено такими крупными учеными, как криминалист социологического крыла Николай Сергеевич Тимашев и Борис Львович Бразоль. Их работы по уголовному праву и другим смежным научным дисциплинам снискали популярность среди научного сообщества. Остановимся подробнее на рассмотрении их научных изысканий.

Н.С. Тимашев (1886–1970) – выдающийся социолог, правовед и общественный деятель. Был выходцем из старинного дворянского рода, отец его занимал высокие государственные посты при дворе. Н.С. Тимашев окончил в Петербурге классическую гимназию и

Александровский лицей, некоторое время изучал правоведение в Страсбургском университете. В ноябре 1914 г. защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Условное осуждение», которая сразу же была опубликована. В ней он поднимал вопрос о юридической значимости института условного осуждения, осуществляя историко-сравнительный¹⁹, теоретический и догматический анализ. Н.С. Тимашев рассматривает условное осуждение с позиций превращения карательного права из абсолютного в суспенсивно-условное. Вскоре из-под его пера выходит двухтомная докторская диссертация «Преступное возбуждение масс», посвященная вопросам подрывной деятельности. К сожалению, текст этой научной работы был уничтожен революционной большевистской властью и тем самым выброшен навсегда за борт истории науки. Помимо плодотворной научной работы Н.С. Тимашев активно занимается преподавательской деятельностью и работает у отца личным секретарем. В августе 1921 г. в связи с угрозой ареста по делу Петроградской боевой организации (так называемый заговор Таганцева) вынужден был бежать по льду Финского залива с женой и младшим братом в Финляндию. После этого он сотрудничает со многими газетами, выступает в разных учебных заведениях Европы, публикует работы о существующей в СССР общественно-политической обстановке. В 1932 г. он получает из США от своего давнего друга П.А. Сорокина, выдающегося социолога и криминолога, предложение принять участие в фундаментальной работе, посвященной динамике социального и культурного развития. В течение двух лет Н.С. Тимашев составлял сводку данных об изменениях состава преступлений и суровости наказаний в странах Европы со времен падения Римской империи до современности, систематизировал сведения о революциях с V в. до 1925 г.

Эти фундаментальные исследования легли в основу некоторых глав знаменитой книги П.А. Сорокина «Социальная и культурная динамика». Стоит напомнить, что в этой работе развитие уголовного права рассматривалось через призму флуктуации этико-юридического порядка и культурных типов. Так, по мнению П.А. Сорокина, известны три типа культур: идеациональный, идеалистический (промежуточный) и чувственный. Современный тип культуры по данной классификации определяется как чувственный. Идеациональному типу соответствует более строгое и суровое уголовное право, которое направлено на воспитание доб-

родетельных чувств. Уголовному же праву чувственной культуры свойственно стремление охранить порочные страсти, такие как вседозволенность, гедонизм, скептицизм, половая распущенность, для нее характерен «совершенно деморализованный и недисциплинированный тип личности»²⁰. В этих сложных условиях, чтобы «дисциплинировать человека и общество, чтобы успешно обуздать распущенные чувственные склонности и страсти и привить новые формы поведения, сдерживающие подобного рода склонности, культура и право не могут быть слишком мягкими. Одними проповедями убедить тигров не трогать ягнят нельзя. Нужна клетка, порой и кнут, а иногда и нечто еще более суровое и материально эффективное»²¹. П.А. Сорокин утверждал, что у современной эпохи разнузданности будет долгое кризисное состояние, которое сменится ярким рассветом идеациональной культуры с ее жесткими, зато эффективными уголовно-правовыми мерами, доминированием все же альтруистической любви и солидарного общежития.

В США Н.С. Тимашев не перестает самоотверженно трудиться на научном и преподавательском поприще. Он довольно часто публикуется в латвийском журнале «Закон и суд», где выходят его статьи, посвященные эволюции советского уголовного права и законодательства, итальянскому кодексу 1930 г. (кодексу Б. Муссолини), дает достаточно беспристрастную профессиональную оценку правовым проявлениям таких различных по своей идеологической подпитке режимов. В последние годы выходят в свет фундаментальные работы Н.С. Тимашева, посвященные условному осуждению²².

Б.Л. Бразоль (1885–1963) окончил знаменитое Училище правоведения. В 1916 г. работал юрисконсультom закупочной комиссии в США. После разразившейся революции в России оказался в опале как монархист и классовый противник. Решил не возвращаться на Родину, жил в Америке. Борис Львович возглавлял общество А.С. Пушкина и был профессором русского отделения Колумбийского университета. Помимо выпуска публицистических²³ и литературно-критических работ большое внимание уделял проблематике уголовного права, криминологии и уголовного процесса. Еще до революции, будучи судебным следователем Санкт-Петербургского окружного суда, он составил очерки по следственной части, представлявшие собой блестящее практическое руководство для следователей²⁴. В данной работе были обстоятельно изложе-

ны вопросы методологии осмотра и обыска, а также приводились рекомендации по осуществлению следственных действий на месте железнодорожных крушений. Б.Л. Бразоль был постоянным членом Международной академии уголовного права. В 1929 г. на английском языке выходит в свет его книга «Основы преступления (психосоциальная интерпретация)»²⁵, которая по праву возвела его в ранг международных ученых. В ней были отражены все существовавшие на тот момент научные подходы к преступлению как уголовно-правовой категории и преступности как категории криминологической, был использован значительный статистический материал. Вот что отмечали американские критики, ознакомившись с этим трудом: «Его стиль увлекателен, рассуждения убедительны, материал обширен». Помимо криминологических изысканий Б.Л. Бразоль значительное место отводит в этой работе вопросам уголовной ответственности, причем основывается при этом на личном опыте. В параграфе, посвященном юридическому аспекту преступления и ответственности, он дает следующее определение: «Преступление – это деяние, запрещенное и наказуемое законами того или иного государства, представляющее собой виновную попытку со стороны человека посягнуть на сложившиеся общественные отношения»²⁶. Ученый замечает, что именно фактор, определяющий координацию различных элементов преступления, позволяет обществу синтезировать уголовно-правовую доктрину.

Стоит упомянуть и о русских криминалистах германского направления Льве Моисеевиче Зайцеве и Сергее Константиновиче Гогеле (первый период эмиграции последнего приходится на Константинополь и Прагу, последние же годы он трудился в Русском научном институте в Берлине).

В заключение хотелось бы отметить, что события предвоенных лет и Вторая мировая война не обошли стороной и русскую эмиграцию. Политические механизмы работали против них. Закрывались русские учебные заведения, переставали издаваться многие эмигрантские журналы и газеты. Так, к примеру, журнал «Закон и суд», главным редактором которого был П.Н. Якоби, закрыли 29 июля 1938 г. решением Департамента печати Латвии.

Со временем русская эмиграция стала растворяться в культурных пространствах зарубежья. Вклад, который она внесла в мировую науку, неизмерим. Это и позволяет говорить о ее созидательной направленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дом в изгнании (Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945). Прага, 2008. С. 170.

² Грузенберг О. Из юридического дневника // Закон и суд. 1929. № 1.

³ См.: Побегайло Э.Ф. О зарубежном российском правовом наследии // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 354.

⁴ См.: Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / Сост. и вступ. ст. В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2008. С. 10–11.

⁵ См.: Маклецов А.В. Русские юристы в Югославии // Закон и суд. 1933. № 10. Стб. 1359–1360.

⁶ См.: Он же. Проблема уголовной политики // Там же. 1936. № 3. Стб. 3185–3186.

⁷ Там же. Стб. 3186.

⁸ Классовое начало в советском уголовном праве // Право и хозяйство. 1925. № 2. С. 3.

⁹ Маклецов А.В. Нормативная теория вины в уголовном праве // Закон и суд. 1934. № 8. Стб. 1681–1682.

¹⁰ Протокол допроса от 25.10.1940 г. // Латвийский государственный архив. Ф. 1586. Оп. 1. Д. 7401.

¹¹ Помимо научной деятельности ученый многое делал на социальном фронте, прежде всего в благотворительных и просветительских организациях (см.: Закон и суд. 1938. № 6. Стб. 4018–4020).

¹² См.: Четвертый международный конгресс уголовного права в Париже // Закон и суд. 1938. № 77. Стб. 3705–3706

¹³ См.: Там же. Стб. 3705.

¹⁴ Минц П.М. Курс уголовного права. Общая часть. Рига, 1925. Т. 1. С. 2.

¹⁵ Там же. С. 2.

¹⁶ См.: Там же. С. 133–134. Основателями данного смешанного подхода и авторами приведенной классификации преступников были Вальберг, Ф. Лист.

¹⁷ Там же. С. 140.

¹⁸ Там же. С. 147.

¹⁹ Н.С. Тимашев выделял англо-американскую, франко-бельгийскую, германскую, австралийскую, или смешанную, формы условного осуждения.

²⁰ См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. С. 544–545.

²¹ Там же С. 545.

²² См.: Timashev N.S. One Hundred Years of Probation, 1841–1941. NY, 1949; Probation in the light of criminal statistics. NY, 1949.

²³ Б.Л. Бразоль являлся автором книги «Мир на перепутье», в которой убедительно показал всю предательскую низость союзнических войск по отношению к России, варварски несправедливые условия, выдвинутые ей в Брест-Литовском договоре. Указывая на трагическое падение своей Родины и в целом всего цивилизованного мира в хаотическое состояние мракобесия, он отмечал, что «человечество переживает ныне борьбу на жизнь и смерть между мускулами и умом, между мечом и пером, между анархией и законом».

²⁴ См.: Бразоль Б.Л. Очерки по следственной части. История. Практика. Петроград, 1916.

²⁵ См.: Brasol B. The Elements of Crime (Psycho-Social interpretation). NY, 1929.

²⁶ Там же. С. 298 (перевод автора статьи).

¹ Dom v izgnanii (Oчерki o russoj jemigracii v Chehoslovakii 1918–1945). Praga, 2008. S. 170.

² Gruzenberg O. Iz juridicheskogo dnevnika // Zakon i sud. 1929. № 1.

³ Sm.: Pobegajlo Je.F. O zarubezhnom rossijskom pravovom nasledii // Rossijskij kriminologicheskij vzgljad. 2009. № 1. S. 354.

⁴ Sm.: Oчерki ugovolnoj politiki: ponjatie, istorija i osnovnye problemy ugovolnoj politiki kak sostavnogo jelementa nauki ugovolnogo prava / Sost. i vstup. st. V.S. Ovchinskogo, A.V. Fedorova. M., 2008. Stb. 10–11.

⁵ Sm.: Maklecov A.V. Russkie juristy v Jugoslavii // Zakon i sud. 1933. № 10. Stb. 1359–1360.

⁶ Sm.: On zhe/ Problema ugovolnoj politiki // On zhe. 1936. № 3. Stb. 3185–3186.

⁷ Tam zhe. Stb. 3186.

⁸ Klassovoe nachalo v sovetskom ugovolnom prave // Pravo i hozjajstvo. 1925. № 2. S. 3.

⁹ Maklecov A.V. Normativnaja teorija viny v ugovolnom prave // Zakon i sud. 1934. № 8. Stb. 1681–1682.

¹⁰ Protokol doprosa ot 25.10.1940 g. // Latvijskij gosudarstvennyj arhiv. F. 1586. Op. 1. D. 7401.

¹¹ Pomimo nauchnoj dejatel'nosti uchenyj mnogoe delal na social'nom fronte, prezhdе vsegо v blagotvoritel'nyh i prosvetitel'skih organizacijah (sm.: Zakon i sud. 1938. № 6. Stb. 4018–4020).

¹² Sm.: Chetvertyj mezhdunarodnyj kongress ugovolnogo prava v Parizhe // Zakon i sud. 1938. № 77. Stb. 3705–3706/

¹³ Sm.: Tam zhe. Stb. 3705.

¹⁴ Minc P.M. Kurs ugovolnogo prava. Obwaja chast'. Riga, 1925. T. 1. S. 2.

¹⁵ Tam zhe. S. 2.

¹⁶ Sm.: Tam zhe. S. 133–134. Osnovateljami dannogo smeshannogo podhoda i avtorami privedennoj klassifikacii prestupnikov byli Val'berg, F. List.

¹⁷ Tam zhe. S. 140.

¹⁸ Tam zhe. S. 147.

¹⁹ N.S. Timashev vyděljal anglo-amerikanskuju, franko-bel'gijskju, germanskju, avstralijskju, ili smeshannuju, formy uslovnogo osuzhdenija.

²⁰ Sm.: Sorokin P.A. Social'naja i kul'turnaja dinamika. M., 2006. S. 544–545.

²¹ Tam zhe S. 545.

²² Sm.: Timashev N.S. One Hundred Years of Probation, 1841–1941. NY, 1949; Probation in the light of criminal statistics. NY, 1949.

²³ B.L. Brazol' javljalsja avtorom knigi «Mir na pereput'e», v kotoroj ubeditel'no pokazal vsju predateľ'skju nizost' sojuznicheskikh vojsk po otnosheniju k Rossii, varvarki nespravedlivoje uslovija, vydvinutyje ej v Brest-Litovskom dogovore. Ukazyvaja na tragicheskoe padenie svoej Rodiny i v celom vsego civilizovannogo mira v haoticheskoe sostojanie mrakobesija, on otmechal, chto «chelovechestvo perezhivaet nyne bor'bu na zhizn' i smert' mezhdju muskulami i umom, mezhdju mechom i perom, mezhdju anarhiej i zakonom».

²⁴ Sm.: Brazol' B.L. Oчерki po sledstvennoj chasti. Istorija. Praktika. Petrograd, 1916.

²⁵ Sm.: Brasol B. The Elements of Crime (Psycho-Social interpretation). NY, 1929.

²⁶ Tam zhe/ S. 298 (perевod avtora stat'i).